

# Дневник и письма архимандрита Гурия (Егорова), написанные в заключении и ссылке в 1922–1923 гг.

*Павлов Дмитрий Владимирович*

магистр теологии, научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви, ПСТГУ  
[d.v.pavlov\\_77@mail.ru](mailto:d.v.pavlov_77@mail.ru)

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** *Павлов Д. В.* Дневник и письма архимандрита Гурия (Егорова), написанные в заключении и ссылке в 1922–1923 гг. // Богослов. 2024. № 1 (1). С. 96–113.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2024.85.68.006

**АННОТАЦИЯ** Статья содержит цитаты из неизданного дневника архимандрита Гурия (Егорова), впоследствии выдающегося архипастыря Русской Православной Церкви послевоенного периода, и его писем отцам Александро-Невского братства и духовным чадам. Письма были написаны из дома предварительного заключения и тюремной больницы в Петрограде (июнь 1922 – июнь 1923 гг.), из ссылки в Усть-Цильме (июль–октябрь 1923 г.) и по пути следования в Туркестан (октябрь–декабрь 1923 г.). Подборка из дневниковых записей и писем составлена Елизаветой Николаевной Вендланд (сестрой митрополита Иоанна), которая переписала ее своей рукой (предположительно, в начале 1950-х гг. в Ташкенте), после чего епископ Гурий просмотрел текст и снабдил его пометками. На основании сведений из дневника и писем архимандрита Гурия можно с высокой точностью восстановить хронологию его перемещений в заключении и ссылке и понять настроение гонимого пастыря.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** архим. Гурий (Егоров), новомученики и исповедники, обновленчество, изъятие церковных ценностей

**В**

мае 1922 г. в Русской Православной Церкви возник обновленческий раскол, инициированный большевистской властью, желавшей ее раздробления и ослабления. Вдобавок к этому поводом к новой антирелигиозной кампании стали последствия страшного голода в Поволжье. Несмотря на добровольную помощь Церкви голодающим, власти объявили изъятие «излишних» предметов культа под благовидным предлогом обмена драгоценных металлов и камней за границей на сельскохозяйственные орудия и хлеб.

В Петрограде митрополит Вениамин (Казанский), стремясь избежать столкновений и конфликтов, согласился уступить ценности без насильственного изъятия, как вольную жертву. Об этом он сообщил в своем послании от 5 марта 1922 г. Но достигнутый компромисс был сорван по вине властей, и 14 марта началось «силовое» изъятие церковных ценностей из петроградских храмов, сопровождавшееся столкновениями с верующими. В Северной столице изъятие церковных ценностей прошло относительно спокойно, без пролития крови. Архимандрит Гурий (Егоров) поддержал позицию правящего архиерея и принял участие в бесконфликтной передаче ценностей из Крестовой церкви. К тому времени деятельность православных братств, выражавшаяся в оказании значительной помощи голодающим, стала вызывать большое раздражение у большевистской власти. Чувствовалось приближение широкомасштабных гонений и репрессий, которые вскоре последовали. Переломным в истории Александро-Невского братства стал 1922 г. — над братством нависла угроза полного уничтожения. Репрессии обрушились на руководителей и активистов петроградских братств. Осведомитель ГПУ донес, что в городе идет агитация против «прогрессивного духовенства», которой якобы руководят архимандрит Гурий и иеромонах Лев Егоровы, а во главе братства стоит епископ Иннокентий (Тихонов). И буквально через несколько часов после ареста митрополита Вениамина вместе с епископом Иннокентием ГПУ арестовало архимандрита Гурия и нескольких братчиц. Остальных стали подвергать усиленным допросам, чтобы сфабриковать отдельное дело

православных братств. 16 июня арестовали иеромонаха Льва (Егорова)<sup>1</sup>.

Братства были для властей большим препятствием. И прежде всего в достижении поставленных целей им мешало Александро-Невское братство, имевшее большое влияние в Петрограде. Но доказать противодействие членов братств изъятию церковных ценностей ГПУ не удалось. 26 июля 1922 г. следователи составили обвинительное заключение в отношении тридцати двух человек с расплывчатым обвинением их в контрреволюционной деятельности. Организация Александро-Невского братства в годы Гражданской войны была объявлена «преступлением». Чтобы не возбудить недовольство народа после арестов, а тем более после расстрела митрополита Вениамина, власти пошли на относительно мягкие наказания членам и руководителям братств. Большинство арестованных братчиков освободили, кроме семи человек, в числе которых были епископ Иннокентий (Тихонов), архимандрит Гурий и иеромонах Лев Егоровы. ГПУ передало их дело в трибунал, который сфабриковал еще одно обвинительное заключение. В итоге ГПУ 14 сентября 1922 г. приняло постановление выслать семерых обвиняемых из Петроградской губернии на два года «как политически неблагонадежных», в том числе епископа Иннокентия и архимандрита Гурия. Вынесенное решение нуждалось в утверждении со стороны центральных инстанций, для чего 4 января 1923 г. было составлено третье обвинительное заключение с обвинением арестованных в агитации против изъятия церковных ценностей и в организации шествия верующих в знак протеста против ареста митрополита Вениамина. В результате этих бездоказательных обвинений были осуждены основатели Александро-Невского братства.

Архимандрит Гурий после ареста провел четыре месяца в тюрьме и в результате заболел сыпным тифом. Из-за болезни его поместили в тюремную больницу (на Переяславской ул. 1, обиходное название — Больница доктора Гааза), в которой он находился до 31 мая 1923 г. Дневник<sup>2</sup>, который вел архиман-

<sup>1</sup> См.: *Шкаровский М. В.* Александро-Невское братство, 1918–1932 годы. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. С. 65–66.

<sup>2</sup> Частично опубликован в: *Павлов Д. В.* «До смерти я буду призывать вас к молитве»: Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). М.: Издательство ПСТГУ, 2021.

дрит Гурий в это время, приоткрывает завесу над его духовной жизнью, особенно ярко высвечивает его мысли и переживания в минуты страданий. В тюрьме к нему пришло переосмысление заключения, открылся духовный смысл этих нелегких событий: «Чем больше сижу, тем яснее чувствую, что внутренняя свобода, освобождение духа от грехов, во много раз дороже освобождения из тюрьмы. Я теперь отчетливо вижу, что заключение дано мне для внутреннего очищения. Для того — и насильственный Затвор. Для того — и зависимость от других, и строгость обращения, и тревожная неизвестность будущего, и удаление от ч[елове]к, и малый вообще круг обращающихся лиц, и множество свободного времени, и возможность много читать... И горе мне, если выйду отсюда таким же, каким и вошел! В эту минуту мелькает мысль: „Еще сроку на покаяние“»<sup>3</sup>.

Архимандрит Гурий 28 июня 1922 г. отметил в дневнике, что, в отличие от воли, в тюремной обстановке «обучаешься терпению и благодушию»<sup>4</sup>. Он всегда пребывал в молитвенном общении с Богом, не оставлял Иисусову молитву в тяжелые жизненные моменты. 29 июня 1922 г. в дневнике была сделана следующая запись: «Господи, Ты видел, что мне нужно, и Ты дал. Душа сосредоточилась, поняла себя, подошла ближе и проще к Справедливому Богу. „Научи мя творить волю Твою“. И Ты учишь. Потому что сам я не в силах был творить ее. Для этого понадобилась тюрьма. Других это ужасает, кажется бессмысленным, а я в тайниках своей души вижу, что это — самое полезное и нужное для меня, что об этом-то я и молился. Глеет тело, возрождается дух. Придет к тебе уныние, берись скорей за четки. Иисусова молитва всесильна. Она душу перерождает! Иной раз нет сил терпеть эти стены, эти решетки, эти запо-ры — хочется в безумстве биться, ломать... Делается отчаянно тоскливо, нестерпимо тяжело. Но... четки взял... и сотня перерождает. Становится легко, ясно, твердо. Хоть на смерть! Мне иногда кажется, что я только начинаю себя находить, только начинаю познавать Бога, познавать любовь к Нему, познавать покорность Его воле. До сих пор я ничего ясно не видел как будто... Но и сейчас больше верю в истину, чем осязаю Ее! Го-

<sup>3</sup> Там же. С. 1024–1025.

<sup>4</sup> Там же. С. 1025.

споди, во свете Твоем узрим свет! Просвети же меня, Господи, светом Правды Твоя...»<sup>5</sup>. А 16 июля он записал в дневнике: «Часто жалею, что нет достаточно горячей молитвы. Той, которую мы теперь совершаем, я совершенно не удовлетворен. Небрежно, без подъема... Трудно...»<sup>6</sup>. Помимо переосмысления молитвенных трудов архимандрит Гурий много размышлял на страницах дневника об уставном богослужении, чтении и пении, понимая, что местами необходима реформа. Нужен был и новый Типикон.

Общение с сокамерниками доставляло архимандриту Гурию различные ощущения. Находясь во Втором исправдоме (бывшая Пересыльная тюрьма на Константиноградской ул. 6, неподалеку от Александро-Невской лавры), 22 августа он отметил ценность того, что в камере его окружали «люди верующие, живущие вопросами веры». И хотя шум от разговоров мешал читать и сосредоточиться, все же преобладала радость от возможности постоянного общения с людьми. В сердце же ощущалась «постоянная любовь ко всем „сидящим“ вместе» и не было никакого недовольства и раздражения. Когда же архимандрита Гурия поместили в тюремный лазарет, он писал, что «кругом чужие лица», которым чужды Бог, молитва, вдохновенное пение и служение ближнему. Их интересы были сосредоточены на собственной личности, пище, грубых шутках и женщинах<sup>7</sup>.

В октябре 1922 г. архимандрит Гурий сообщил своим духовным чадам о разлучении с епископом Иннокентием (Тихоновым) и со своим братом иеромонахом Львом, выразив надежду: «Будем верить, что в ноябре все трое встретимся в одном храме со всеми вами»<sup>8</sup>. Тех, кто увидит братских отцов, архимандрит Гурий просил передать слова любви и заботы о них. Но этой встрече было не суждено состояться. В октябре 1922 г. епископа Иннокентия сослали в Архангельск<sup>9</sup>. Иеромонаха Льва в то же время отправили в ссылку в Оренбург, потом

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> См.: Там же. С. 1027–1028.

<sup>8</sup> Там же. С. 1028.

<sup>9</sup> См.: *Зегжда С. А.* Александро-Невское братство. Набережные Челны: ИД «Новости мира», 2009. С. 41.

он отбывал срок в Западно-Казахстанской области<sup>10</sup>. Уже из ссылки епископ Иннокентий в своем Рождественском послании 1923 г. Александро-Невскому братству образно описал положение руководителей братства: «Знаю и то, что не полна будет радость Ваша, так как мыслями своими не отойдете Вы и в момент самой возвышенной радости от нас, в меру дарований своих и носимой нами благодати священства глаголавших Вам слово Божие. И от меня, в моем здесь удалении от сокровищ церковной поэзии и красот уставной службы. И от огненного отца Льва в его „Египте“ и словом, и молчанием, и молитвой проповедующего. И от кроткого отца Гурия, который, кажется, горчайшую чашу испивает в своем ужасном „вертепе“ и „яслях“ тюремно-больничной жизни. Все, что я слышал и читал о его положении там, меня в тревожный ужас приводит. Надобно все меры принять, чтобы облегчить ему это положение»<sup>11</sup>.

В другом письме (от 22 марта 1923 г.) епископ Иннокентий сообщил: «Мне телеграфом, а затем письмом дали знать о болезни отца Гурия. Как много стоит ему пребывание в Петрограде и возможность общения с Вами. Да сохранит его Господь и скорее да воздвигнет со одра болезни и возвратит его Церкви Своей»<sup>12</sup>.

Пребывая в тюремной больнице доктора Гааза, архимандрит Гурий находился в переписке со своими духовными чадами. В письме, написанном после причастия в день Рождества Христова, 7 января 1923 г., он сообщил, что сердце его в этот праздничный день наполнено «тихой, немного грустной радостью и успокоением». И далее он размышлял: «Разбросала нас, ваших старших отцов, в разные края судьба по воле Божией... Одного — к белым медведям, другого — к верблюдам, третьего — к дикарям, и даже хуже — к людям без проблесков совести. Но мыслью мы трое — с Вами. Вместе мысленно стоим с Вами в храме, вместе молимся. <...> Желая, чтобы ясно чувствовали Вы не ослабевшую и вечно развивающуюся духовную молитвенную связь с нами. Мы знаем Вечного Бога, мы верим в вечность»<sup>13</sup>.

<sup>10</sup> См.: Там же. С. 207.

<sup>11</sup> Цит. по: Там же. С. 140–141.

<sup>12</sup> Цит. по: Там же. С. 141.

<sup>13</sup> Павлов Д. В. Указ. изд. С. 1032.

В другом письме (конца 1922 г.) он отвечал на вопросы своих духовных чад по поводу своего отношения к ним: «Да, строг я был к Вам, и даже более — суров. Почему так? Была ли суровость в отношении Вас внутри меня? Нет, наоборот, часто мне хотелось быть только добрым, ласковым отцом. Но вот — приходили Вы, и я чувствовал, что иначе относиться я не могу, я не должен был. <...> Бог меня будет судить, но мне казалось, что иногда жесткие тиски полезнее мягкой, ласкающей руки. Мне казалось, что для Вас такое отношение (которое не было для меня деланым, а само собою выходило) поможет Вам отсесть многое лишнее и приучит к простоте и реализму. А последнее очень ценно»<sup>14</sup>. В Прощеное воскресенье 18 февраля 1923 г. он писал на волю: «Глубоко чувствую свою вину перед вами, творю мысленно пред каждым и каждой из вас земной поклон, моля о полном прощении и забвении моих прегрешений. Если кто-нибудь из вас виновен в чем-либо предо мною или чувствует себя связанным моей пастырской клятвой, я, по данной мне от Господа власти, прощаю таковых и разрешаю»<sup>15</sup>.

Архимандрит Гурий 8 апреля 1923 г. направил своим духовным чадам пасхальное обращение, в котором их поздравил и одновременно утешил: «Друзья мои, „совершилось!“ — это Христос сказал о победе добра над злом, правды — над ложью, любви над злобой. Начнется эта победа и в нас, и в нашей жизни — тогда и явится Христос Воскресший нам»<sup>16</sup>.

В мае 1923 г. он сообщал о последствиях своей болезни: «Я уже поправился. Еще не уверенно пишет рука. С некоторым трудом иду по лестнице, ибо ноги „робеют“. <...> Тиф давал себя знать в мучительной боли ног по преимуществу. Натирания облегчали самое большее на четверть часа. Но помню, однажды я горячо молился преп. Серафиму об облегчении, выпил воды из его источника, и сразу на целый час прошла боль, что было для меня большим облегчением и передышкой. Вся болезнь тянулась ровно месяц. Но пришлось еще пережить: 1) сильную чесотку, 2) получить на самом крестце нечто вроде пролежня и в конце болезни, 3) воспаление лимфатических

<sup>14</sup> Там же. С. 1031.

<sup>15</sup> Там же. С. 1035.

<sup>16</sup> Там же. С. 1036.

желез гортани (что мешало глотать даже полужидкую пищу). Болезнь на Вербной окончилась. С первого дня Пасхи поднялась температура и лихорадка от маленького куска творожной пасхи. Только в Фомино воскресение я смог стоя причаститься собственными руками... Но и сейчас руки пишут иногда не те буквы, какие нужны. Голова острижена. Борода снята... Утерлял всю „доброту зрака“»<sup>17</sup>.

Архимандрит Гурий в этом письме сетовал на то, что ему надоело в Петрограде. Еще во время его болезни начались «хлопоты» о его полном освобождении по состоянию здоровья, но петроградские власти отказали. По вопросу перемены места высылки необходимо было запрашивать Москву. Архимандрит Гурий решил отправиться в Архангельск и написал заявление о разрешении ехать за свой счет, без конвоира, а также просил предоставить несколько дней свободы для «ликвидации дел». И в этом же письме ответил на вопрос, почему он стремится уехать: «1) Надоело жить в притоне безработных воров, где слышится постоянно площадная брань и т.д. Почему-то мне кажется, что тут и армия спасения не подействовала бы. 2) Самое главное, тяжело без богослужения. 3) Хочу воздуха, прогулок, — словом свободы. 4) Хочу церк[овного] труда в приходской обстановке. 5) Боюсь, как бы Вл[адыка] Ин[нокентий] не уехал дальше (до моего приезда). Сейчас он служит за Архангельского архиерея, который уехал в Новониколаевск. А ведь пришлют же женатого! Тогда Вл[адыка] Ин[нокентий] будет удален... Так я думаю, и таковы слухи. Почему-то называют Пинегу»<sup>18</sup>.

Под «женатым архиереем» имелся в виду обновленческий «епископ», которого могли возвести на Архангельскую кафедру. Судя по «прощальному» письму из тюремной больницы, 31 мая 1923 г. стало последним днем пребывания архимандрита Гурия в заключении. В этом письме он поблагодарил своих духовных чад за помощь и благословил их: «Прежде всего приношу всем Вам великую благодарность за заботы о мне, за питание и материальную помощь, в течение целого года неослабно оказываемую мне, бесполезному трутню для вас в настоящее время. Не хочется мне удаляться от вас: высокие стены не мешали

<sup>17</sup> Там же. С. 1037.

<sup>18</sup> Там же. С. 1038.

мне иметь общение с вами, но долг и время побуждают меня связать свои вещи для дороги. И в дороге, и в тюрьмах, и на месте назначения — первая мысль моя будет о вас. Чувство любви и заботы о вас не ослабело во мне за этот год, но окрепло. Помогите вам Бог крепко стоять в Православии и расти духовно. <...> Храните любовь между собою, больных не забывайте, деток привлекайте ко Христу. И Бог мира будет с вами!»<sup>19</sup>

В июне 1923 г. архимандрита Гурия сослали в северный поселок Усть-Цильма на реке Печора, откуда он написал несколько писем. В письме одной духовной дочери он сообщил о трудностях, которые ему пришлось испытать после выхода из тюремной больницы вплоть до приезда в Усть-Цильму. В тюрьме на Гороховой были грязь, насекомые, теснота, множество подозрительных субъектов, тяжелый режим. В ДПЗ на Шпалерной отсутствовало пространство для ходьбы, так необходимое в заключении. Там в течение двух недель архимандрит Гурий находился в «принудительном общении с евреем», который хотя был и неплохим человеком, но имел совсем иной образ мышления. В вологодской тюрьме пришлось спать на голом грязном полу. Вареной пищи не было никакой, только можно было получить кипяток три раза в день. Но были и плюсы — сносное отношение администрации и возможность целый день гулять на воздухе среди тополей и древних крепостных стен тюрьмы. О переезде от Вологды до Архангельска архимандрит Гурий писал: «Тесно, комары, масса вшей, переполненные отделения для политических, так называемыми “политическими со взломом”. Не раз я пожалел, что отказался от провожающего»<sup>20</sup>.

В Архангельске на пристани его встречали несколько «родных лиц» и проводили до тюрьмы, вызвав озлобление конвоира. Привели сначала в лагерь, через два часа, почти ночью, доставили в ГПУ. Спать пришлось на грязном полу, в тесноте, невольно слушая скверные рассказы и брань «интеллигентных зеков». После ночлега был небольшой допрос у следователя по церковным делам. Через три дня архимандрита Гурия отправили в «исправдом», где он увиделся с епископом Иннокентием.

<sup>19</sup> Там же. С. 1039.

<sup>20</sup> Там же. С. 1044.

Потом было недельное плавание на морском грузовом пароходе «Иртыш». Каюту архимандриту Гурию не предоставили, спать ему пришлось на палубе, прикрывшись от сырости промокшим брезентом. Пароход добрался до 70-й параллели северной широты. Видели много красивого на морском пути, тюленей, морских зайцев, множество дичи. Сели на мель, на которой пробыли два с половиной дня. Потом выехали в устье Печоры, где ссыльных встретил полномочный представитель ГПУ М. С. Кедров. Он предложил архимандриту Гурию работу бухгалтером на осуществлявшей обмен товарами барже-лавке, которая поднималась до верховьев Печоры. Епископ Иннокентий одобрил это предложение, и архимандрит Гурий дал свое согласие. Прибыв на морскую пристань, расположенную в 60 верстах от устья Печоры, он расстался с епископом Иннокентием и прибыл на баржу-лавку. До Усть-Цильмы добирались целую неделю в тяжелых условиях. Архимандрит Гурий так писал об этом: «Спать пришлось, прижавшись спиной, из-за тесноты, к горячей печке, которую топили матросы; да ночью по ногам же ходил студёный ветер от разбитого окна. К тому же если бы не жалость добрых людей при остановках, пришлось бы вплотную голодать. Тут же возобновилась старая болезнь кишечника. Как я не простудился — не знаю. Мой сосед схватил чахотку»<sup>21</sup>. В Усть-Цильме он решительно отказался от должности на барже. Ему предложили хорошее место, и он работал старшим счетоводом в Госпароходстве<sup>22</sup>.

Коми-Зырянский край в то время являлся одним из мест массовой ссылки духовенства. В 1922–1926 гг. в этих краях находились в ссылке: митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский), епископ Звенигородский Николай (Добронравов), епископ Николай (Ярушевич), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), епископ Кинешемский Василий (Преображенский) и другие священнослужители.

Архимандрит Гурий находился в северных широтах Коми-Зырянского края. В своих письмах он сообщал о том, что побывал в рыбацком селении, расположенном за Северным

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 3.

полярным кругом. В этом селении была церковь, «по архитектуре не старая». Здесь он провел несколько утешительных дней «относительной свободы», в том числе и в свой день рождения 14 июля: «Я ездил на лодке за семь верст в село за соленой рыбой и молоком и радовался свободе, как ребенок. Над головой часто пролетали утки, чирки, гагары, по берегам порхали кулики, на отмелях белелись чайки... Хорошо было!»<sup>23</sup> В другом письме (в начале августа) он написал: «Много времени прошло с того дня, как я покинул Петроград; много пришлось пережить за это время. Испытал я и холод, и голод, и одиночество, и оскорбления, и чувство бездомного странника... И вот теперь уже вторую неделю и сыт, и в тепле, и в чистоте, опять с друзьями, имею кров... Но как сейчас скучаю по близким своим!»<sup>24</sup> Архимандрит Гурий сообщил, что имеет светлую комнату, служит счетоводом в Печорском управлении водного транспорта, работая с 11 до 17 часов, кроме праздников. С нетерпением ждал присылки трудов святителя Иоанна Златоуста, преподобного Ефрема Сирина и службы на Успение Богородицы. В письме от 30 августа 1923 г. он писал, что живет ему хорошо, погода стоит великолепная, целый день он проводит на службе. Работа чистая, бухгалтерская, материально обеспечен. Цены на продукты были гораздо выше, чем в Петрограде, некоторые продукты отсутствовали вообще<sup>25</sup>.

3 сентября архимандрит Гурий сообщил о некоторых трудностях проживания в ссылке: «Изорвался я, обтрепался, утром-вечером слишком скудно и однообразно питаюсь: не потому, что денег нет или продуктов не найти, но потому, что о питании нужно искать и хлопотать как раз в те часы, когда я нахожусь на службе»<sup>26</sup>. Он ожидал приезда монахини Марии (Шмидт) в помощь ему, для чего приготовил соседнюю комнату с русской печкой. По поводу церковной жизни архимандрит Гурий сообщал: «Служить нам в храме не приходится. С утешением поем и читаем и сподобляемся Святых Таин»<sup>27</sup>. Чуть позже, при отъезде из Усть-Цильмы, он написал в своем

<sup>23</sup> Павлов Д. В. Указ. соч. С. 1043.

<sup>24</sup> Там же. С. 1041.

<sup>25</sup> См.: Там же. С. 1046.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же. С. 1048.

дневнике относительно местного храма, который был для него утешением: «Но там остался маленький деревянный, но блещущий чистотой „собор“. Там — молодой и церковно настроенный пастырь, проповедующий каждый праздник и воскресенье. Там есть хорик любителей, увлекающийся, правда, партесным пением, но поддающийся церковному влиянию. Там — немало молодежи, ходящей и любящей церковь. Там были „Никодимы“<sup>28</sup>, приходившие темным вечером вопрошать о вопросах веры, там остались юные души, учившиеся вере... Прощай, Печера! И на тебе живут православные, добрые люди!»<sup>29</sup>

25 июня 1923 г. на заседании Судебной коллегии Верховного суда было принято постановление об освобождении Патриарха Тихона. Кроме того, ГПУ поручалось «в течение ближайших трех месяцев пересмотреть все дела высланных церковников на предмет амнистирования наименее из них вредных»<sup>30</sup>. В ноябре 1923 г. были досрочно освобождены видные петроградские деятели — епископ Венедикт (Плотников) и протоиерей Николай Чуков. По всей видимости, Комиссия НКВД по административным высылкам смягчила условия ссылки и епископу Иннокентию (Тихонову) с архимандритом Гурием — из Архангельской губернии их перевели в Туркестан<sup>31</sup>.

В дневнике архимандрита Гурия период октября-декабря 1923 г. обозначен как «От оленей к верблюдам. Печера — Асхабад». 13 октября он отметил, что они вместе с епископом Иннокентием сидят в маленькой, но теплой и уютной кают-компании океанского грузового парохода.

---

<sup>28</sup> Имеется в виду Никодим — фарисей, член синедриона, тайный ученик Христа. См.: Ин. 3, 1–21.

<sup>29</sup> Павлов Д. В. Указ. соч. С. 1049.

<sup>30</sup> Сафонов. Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: ИД «Познание», 2019. С. 278.

<sup>31</sup> См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. П-88399. Т. 2. Л. 702.

Выйдя наверх на палубу, они долго любовались северным сиянием. 16 октября была сделана запись, что они находились в Северном Ледовитом океане на 70-й параллели и что он, наверное, никогда не будет на «таком севере, как сейчас»<sup>32</sup>.

Архимандрит Гурий 11 ноября 1923 г. написал письмо духовным чадам, в котором рассказал, что он и епископ Иннокентий хорошо устроились в вагоне поезда. В купе находились только они вдвоем, попутчики отнеслись к ним хорошо, в вагоне было «тихо и мирно, тепло». Отметили, что давно уже не приходилось ездить по железной дороге в таких хороших условиях<sup>33</sup>. Митрополит Гурий позже вспоминал: «Везли в столыпинских вагонах. Это обыкновенные купированные вагоны. Только вместо дверей там решетка, и дверь сделана не против окна коридора. А по коридору ходит стража»<sup>34</sup>.

Проезжали через Москву, планировали через семь дней быть в Ташкенте, где должен был решиться дальнейший маршрут их передвижения. Монахиня Мария ехала со своими духовными отцами в том же поезде, покупала продукты на станциях и передавала им. Проводник был хороший, он усердно топил вагон и приглашал к себе сестру Марию греться. Приближаясь 14 ноября к Оренбургу, архимандрит Гурий и епископ Иннокентий оба невольно запели: «Спаси Господи и помилуй всечестного отца нашего И[еромонаха] Л[ьва] и сохрани его на многие лета»<sup>35</sup>. И подумали: где и как он живет сейчас? Епископ Иннокентий и архимандрит Гурий знали, что иеромонах Лев был сослан в Оренбург, но им ничего не было известно о его дальнейшей судьбе.

После восьми дней пути они прибыли в Ташкент, где целый месяц провели в местной тюрьме. Позже митрополит Гурий вспоминал об этом: «Ташкентская тюрьма была очень оригинально устроена. Это большой двор, обнесенный дувалом. А вдоль стен — все отдельные комнаты с выходом во двор. Простые ворота отделяли нас от улицы. А под ними было боль-

<sup>32</sup> Павлов Д. В. Указ. соч. С. 1049.

<sup>33</sup> См.: Там же. С. 1050.

<sup>34</sup> Зегжда С. А. Указ. соч. С. 143.

<sup>35</sup> Павлов Д. В. Указ. соч. С. 1050.

шое пространство, так что видны были ноги прохожих. Меня с Владыкой Иннокентием поместили в одну из этих комнат»<sup>36</sup>.

В этой тюрьме был «самый снисходительный» надзиратель, который все знал и говорил, что скоро их вызовут и отправят в Полторацк. И действительно, архимандрита Гурия и епископа Иннокентия вызвали и дали направление в распоряжение Полторацкого ГПУ. Ехать нужно было самостоятельно, но до поезда у них оставалось три свободных дня.

В письме от 15 декабря 1923 г. архимандрит Гурий сообщил, что они уже третий день на свободе в Ташкенте, осматривают город и делают закупки в дорогу, чтобы ехать далее<sup>37</sup>. В Ташкенте хотели зайти в привокзальную церковь, но, узнав, что она обновленческая, решили, что «здесь делать нечего». После этого отправились к благочестивой семье Тихоновых. Митрополит Гурий вспоминал позже: «Три дня мы были у Тихоновых, и как раз на мои именины. И я служил там у них»<sup>38</sup>. Именины архимандрит Гурий праздновал 4 (17) декабря. По просьбе местных верующих епископ Иннокентий рукоположил одного благочестивого иеродиакона Пахомия<sup>39</sup> во иеромонаха, а другого (священника) постриг в монашество<sup>40</sup>.

Архимандрит Гурий написал 19 декабря, что они едут в плацкартном вагоне со спальными местами, к ночи планируют быть в Полторацке<sup>41</sup>. Когда приехали в Полторацк, они расстались. Архимандрита Гурия послали на станцию Каахка, а оттуда он был направлен за 20 километров, в селение Арчиньян. В этом селении, расположенном недалеко от персидской границы, проживали молокане — русские сектанты, переселенные туда еще царским правительством для создания заслона от Персии. Они были сильными, трудолюбивыми людьми, которые вели

---

<sup>36</sup> Зегжда С. А. Указ. соч. С. 143–144.

<sup>37</sup> См.: Павлов Д. В. Указ. соч. С. 1051.

<sup>38</sup> Зегжда С. А. Указ. соч. С. 144.

<sup>39</sup> Речь идет о иеромонахе Пахомии (Русине), насельнике ликвидированного в 1919 г. Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря, будущем преподобномученике. См.: *Озмитель Е. Е.* Киргизстанский мартиролог: Новомученики и исповедники Церкви Русской, репрессированное духовенство, церковнослужители, монашествующие и миряне, родившиеся, служившие, пострадавшие в Киргизстане в XX веке / Сост.: Е.Е. Озмитель. Бишкек: Нео Принт, 2017. С. 110–118.

<sup>40</sup> См.: Зегжда С. А. Указ. соч. С. 144.

<sup>41</sup> См.: Павлов Д. В. Указ. соч. С. 1051.

крепкое крестьянское хозяйство, молились и любили читать Библию. Архимандрит Гурий интересовался их жизнью, и они его очень любили. Проживал он в отдельном домике с садом. Вместе с ним жили священник Василий и монахиня Мария (Шмидт). Дни ссылки проходили для архимандрита Гурия в молитве и физическом труде, а свежий воздух и благоприятный климат укрепили его здоровье. С тех пор он полюбил Среднюю Азию<sup>42</sup>.

Из сохранившегося письма архимандрита Гурия «пекинским сестрам»<sup>43</sup> из ссылки следует то, что в Арчиньяне он имел возможность совершать Божественную Литургию в домашних условиях. В письме от 19 февраля 1924 г. он писал: «Получил я от М[арии] К[арловны] полотенце, вышитое Вашими руками, сделанное с большим вкусом. Но не на аналой положил я его, а на наш маленький престол, и каждый раз, когда я совершаю Божественную Литургию, с любовью вспоминаю Вас»<sup>44</sup>.

О причине благоприятных условий, в которых жил архимандрит Гурий в Арчиньяне, стало известно благодаря рапорту, поданному епископом Иннокентием (Тихоновым) 25 марта 1925 г. Патриарху Тихону. В рапорте он сообщил, что в том числе наградил игумению Ашхабадского Казанского монастыря Евгению (Александрину): «Я возвел ее в 1923 г. в сан игумении, на что получил утверждение Вашего Святейшества. Впоследствии я возложил на нее наперсный крест. Она — простой и малограмотный, но с редкими душевными качествами человек. Она очень много сделала для православия в Ашхабаде благодаря уважению, которым она пользуется со стороны православных. Много потрудились в деле предоставления приюта и помощи сосланным в Туркестан священнослужителям. Из них могу назвать: Митрополита Новгородского Арсения<sup>45</sup>, Архиепископа Таврического Никодима<sup>46</sup>, Епископа Тагильского

---

<sup>42</sup> См.: *Иоанн (Вендланд), митр.* Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль: ДИА-пресс, 1999. С. 99.

<sup>43</sup> Архимандрит Гурий так называл группу сестер, в которой старшей была Анна Васильевна Кошкина, вошедшая в братство из подворья Пекинской православной духовной миссии на Воронежской ул. в Петрограде.

<sup>44</sup> *Зегжда С. А.* Указ. соч. С. 196.

<sup>45</sup> Стадницкого.

<sup>46</sup> Кроткова.

Льва<sup>47</sup>, Новоторжского наместника архимандрита Вениамина (Троицкого), Архимандрита Гурия (Егорова — из Александроневской Лавры) и других»<sup>48</sup>.

Как видно из списка перечисленных епископом Иннокентием священнослужителей, в нем упоминается и архимандрит Гурий, при этом его имя стоит в ряду известных архиереев Русской Православной Церкви, преследуемых советской властью.

Так архимандрит Гурий в первый раз оказался в Средней Азии. Через 24 года (в мае 1947 г.), будучи в Ташкенте уже правящим архиереем, епископ Гурий в автобиографии так написал об этом: «Осужден органами ГПУ на вольную высылку сначала в Усть-Цильму (на реке Печоре), а затем переведен в Туркмению (ст. Каахка), всего — на два с половиной года за агитацию»<sup>49</sup>.

В этой «вольной высылке» видится неизреченное милосердие Божие и Его всеблагой Промысл, претворивший злое намерение гонителей во благо гонимых<sup>50</sup>.

---

<sup>47</sup> Цит. по: Зегжда С. А. Указ. соч. С. 49.

<sup>48</sup> Цит. по: Зегжда С. А. Указ. соч. С. 49.

<sup>49</sup> ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 6.

<sup>50</sup> См.: Зегжда С. А. Указ. соч. С. 147.

## **АРХИВЫ**

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. П-88399. Т. 2.

ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145.

## **ЛИТЕРАТУРА**

*Зегжда С. А.* Александро-Невское братство. Набережные Челны: ИД «Новости мира», 2009.

*Иоанн (Вендланд), митр.* Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль: ДИА-пресс, 1999.

*Озмитель Е. Е.* Киргизстанский мартиролог: Новомученики и исповедники Церкви Русской, репрессированное духовенство, церковнослужители, монашествующие и миряне, родившиеся, служившие, пострадавшие в Киргизстане в XX веке / Сост.: Е. Е. Озмитель. Бишкек: Нео Принт, 2017.

*Павлов Д. В.* «До смерти я буду призывать вас к молитве»: Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). М.: Издательство ПСТГУ, 2021.

*Сафонов. Д.,* свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: ИД «Познание», 2019.

*Шкаровский М. В.* Александро-Невское братство, 1918–1932 годы. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003.

# The Diary and Letters of Archimandrite Guriy (Egorov), written in Prison and Exile in 1922–1923

*Pavlov Dmitry Vladimirovich*

Master of Theology, Researcher at the Department of Modern History of the Russian Orthodox Church of the St. Tikhon Orthodox Humanitarian University  
[d.v.pavlov\\_77@mail.ru](mailto:d.v.pavlov_77@mail.ru)

**FOR CITATION:** *Pavlov D. V.* The Diary and Letters of Archimandrite Guriy (Egorov), written in Prison and Exile in 1922–1923 // Bogoslav. 2024. № 1 (1). P. 96–113.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2024.85.68.006

**ABSTRACT** The article is devoted to the unpublished diary of Archimandrite Guriy (Egorov), a later prominent bishop of the Russian Orthodox Church of the post-war period, as well as his letters to the priests of the Alexander Nevsky Brotherhood and his spiritual children. These letters were written from the pre-trial detention center and a prison hospital in Petrograd (June 1922 – June 1923), and from exile in Ust-Tsilma (July–October 1923) and on the way to Turkestan (October–December 1923). A selection of diary entries and letters were compiled by Elizabeth Nikolaevna Wendland (the sister of Metropolitan John), who copied them with her own hand (presumably in the early 1950s in Tashkent). After that, Bishop Guriy reviewed the text and added notes. Based on the information from Archimandrite Gury's diary and letters, it is possible to accurately reconstruct the chronology of his movements during detention and exile as well as the mood of a persecuted pastor.

**KEYWORDS:** Gury (Egorov), New Martyrs and Confessors, Renovatism, seizure of church valuables